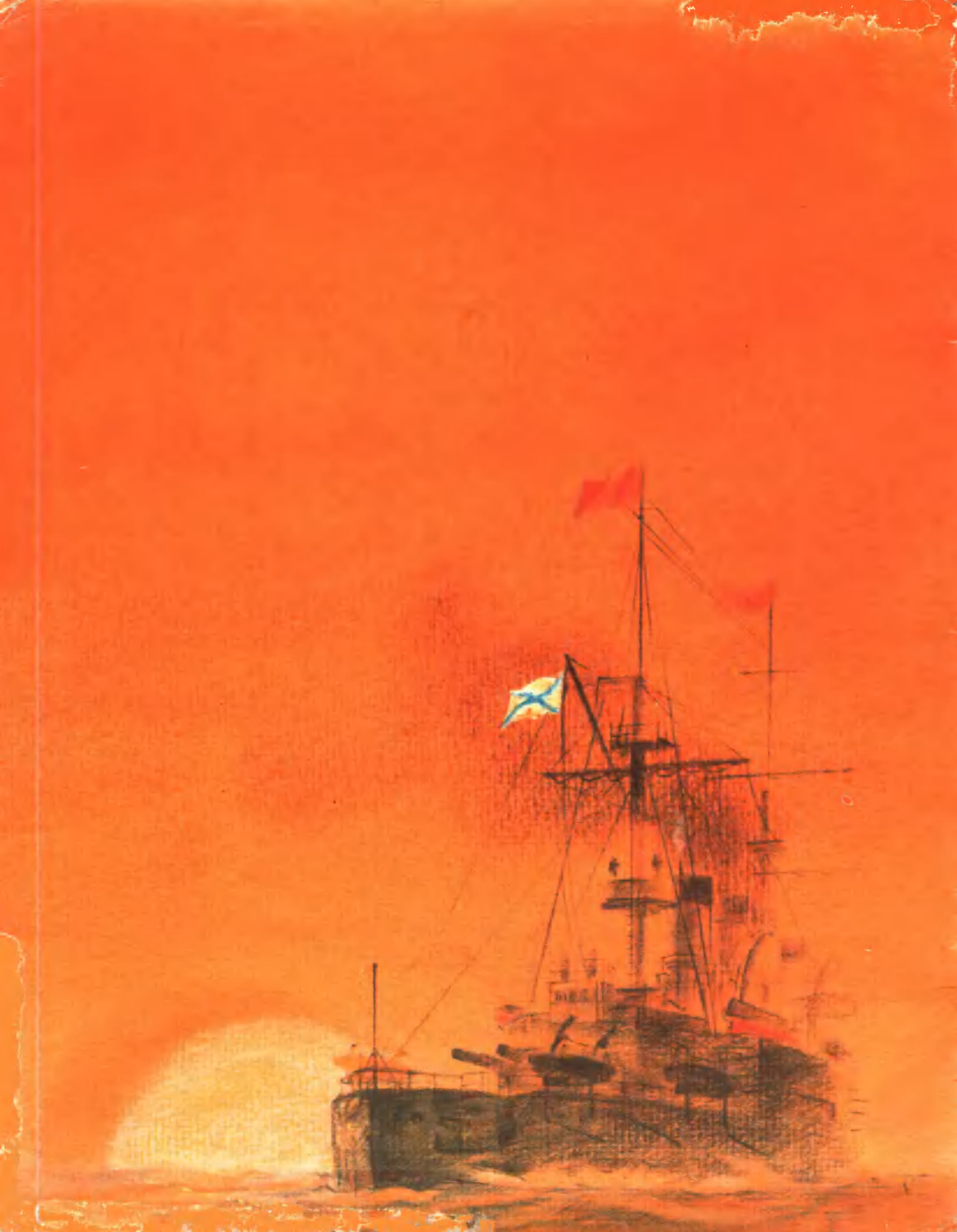


СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ  
НАШЕЙ *СССР* ОДИН

ГЕННАДИЙ ЧЕРКАШИН



ЛЕЙТЕНАНТ  
ШМИДТ





ГЕННАДИЙ ЧЕРКАШИН

# ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ

Рассказ о руководителе революционного восстания  
на крейсере «Очаков» в 1905 году



ИЗДАТЕЛЬСТВО

▼ МАЛЫШ ▼

МОСКВА

1984







## ПЁТР ПЕТРОВИЧ ШМИДТ



Жил-был на свете человек. И звали его Пётр Петрович Шмидт.

В 1905 году он жил в Севастополе. В двухэтажном домике на холме. Рядом стоял белоснежный Адмиральский собор. В его подземелье под чёрными мраморными плитами покоились четыре героя, четыре адмирала: П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомин и учитель их М. П. Лазарев. Когда случалось морякам проходить мимо, отдавали они честь героям. И возвышался этот священный для российских моряков дом над Севастополем, словно белый маяк.

А из окон дома, в котором жил П. П. Шмидт, открывался вид на белые домики под красными черепичными крышами, кроны виноградников, крошечные сады на вырубленных в ска-

лах террасах. Там жили моряки, рыбаки, рабочие порта, их жёны и дети.

Из окон была видна и просторная Севастопольская гавань, где стояли корабли Черноморского флота — тяжёлые броненосцы, изящные крейсеры, низкосидящие, почти сливающиеся с водой стреловидные миноносцы. Две каменные крепости — Константиновская и Михайловская батареи — прикрывали вход в гавань на случай внезапного появления неприятеля со стороны моря.

По вечерам, не покидая дома, можно было наблюдать, как в узкую щель, отделявшую морскую синеву от небесной, опускается огромный багровый диск. В ту секунду, когда в последний раз сверкал солнечный луч, на одном из кораблей стреляла холостым зарядом пушка — и красивая чистая мелодия, льющаяся из сигнальных труб, возвещала, что на всех судах начинается ритуал спуска флага.

Пётр Петрович был моряком. Командиром миноносца.

И отец его — Пётр Петрович Шмидт — был моряком.

И дед его — опять же Пётр Петрович Шмидт — тоже был моряком.

Все в их роду были моряками — вот такой это был род.

Командир миноносца лейтенант Шмидт помнил, как отец — старый боевой адмирал, впервые взял его в море. В тот день он увидел над головой белый парус, струящуюся за бортом зелёную в белых прожилках воду, ощутил на губах горький вкус соли, услышал, как в небе кричат чайки — и навсегда полюбил море.

Ещё этот человек любил музыку. По вечерам он открывал футляр и вынимал виолончель.

В море ли, на берегу ли, стоило ему заиграть, как люди бросали свои занятия и затаив дыхание слушали, как поёт его виолончель.

Нет, не виолончель пела, пела сама душа Петра Петровича. Песня утверждала, что мир — прекрасен! Человек — прекрасен! Но отчего так грустно вдруг запели струны?.. И почему рождается чувство тревоги?

Море и музыка...

Музыка и море...

Две стихии, живущие одна в другой. Ураганный ветер, стрелы молний, гром!.. Смертельная пляска волн... Крики о помо-

щи... И вдруг — покой... Штиль... Зеркальная гладь, в которой отражаются облака... И звёзды — мерцающие словно роса на рассвете...

Ему ли было не знать всё это?!. До войны с Японией, которая началась в 1904 году, водил Пётр Петрович большие пароходы по морям и океанам. О таких капитанах, как он, моряки ещё при их жизни рассказывают легенды. Однажды его судно «Диана», когда на вахте стоял первый помощник, наскочило на камни близ датского острова Мэн. В пробоину хлынула вода, «Диана» стала оседать. Ночная мгла, шторм. Но капитан не растерялся. Приказав команде покинуть на шлюпках судно, он с четырьмя добровольцами остался на «Диане» и спас её от гибели.

И был этот человек сухощав, строен, выше среднего роста. Русые волосы, русые усы и синие, как васильки, глаза. Однако, когда он негодовал, эти глаза становились светлыми и холодными, как горный ключ. Когда печалился — синева темнела, как темнеет море перед штормом.

Пожалуй, сейчас самое время вспомнить, что происходило тогда в России.

## РАССКАЗ О «КРОВАВОМ ВОСКРЕСЕНЬЕ»



9 января 1905 года в столице царской России городе Петербурге...

Сердце сжимается, когда представляешь себе этот страшный день. Как можно было пойти на такое преступление? Приказать солдатам, чей долг защищать родину от врага, зарядить винтовки боевыми патронами и открыть из них огонь по женщинам, детям, по тем, кто своими руками сделал эти винтовки, одел и обул армию, кто проводил своих сыновей и мужей на войну с Японией...

А ведь они шли, как на праздник. Принарядились и детей принарядили. В руках иконы. Шли к царю на поклон. Надея-



лись: выйдет царь Николай Александрович Романов на крыльцо своего роскошного Зимнего дворца и внимательно выслушает их — народ свой. Надеялись: узнает он, как горбят они свои спины на заводах и фабриках от зари до зари, а хозяева свирепствуют и платят гроши, и штрафуют за любую мелочь нещадно. Думали: узнает обо всём этом царь-батюшка и заступится. Найдёт управу на обидчиков. И жизнь сразу станет лучше.

Вот с тем и приближались к Дворцовой площади толпы петербургских рабочих. Вот уже и Зимний дворец впереди показался. Ещё немного — и увидят они своего царя...

Когда солдаты, вскинув ружья, без всякого предупреждения дали залп по мирной толпе, всё разом выяснилось: «ЦАРЬ НЕ ЖЕЛАЕТ ИХ ВИДЕТЬ! ПРИКАЗАЛ СОЛДАТАМ СТРЕЛЯТЬ В СВОЙ НАРОД! УБИЙЦА ЦАРЬ! НИКОЛАЙ КРОВАВЫЙ!»

Случилось это в воскресенье 9 января 1905 года.





Весть о «Кровавом воскресенье» молнией облетела всю Россию. Задумались люди: «Что делать теперь? У кого защиты искать? На кого надеяться?»

И многие так ответили: «Нет и не было правды на земле. У кого власть, тот и барин. А сила и железо гнёт. Так что сидеть надо тихо и всё терпеть».

Этого и добивался царь, когда приказал солдатам пулями, штыками да нагайками проучить народ.

Но не все в России так думали, и не все захотели покорно склонить головы. Нашлись смелые и гордые люди, которые считали, что за лучшую жизнь надо бороться. Только в борьбе можно добиться свободы и равенства для всех.

## РАССКАЗ О МЯТЕЖНОМ БРОНЕНОСЦЕ



А вот что случилось летом того же года, в июне.

Броненосец Черноморского флота «Князь Потёмкин Таврический» покинул Севастопольскую гавань и вышел в открытое море.

Лето в тот год выдалось жаркое, солнце пекло немилосердно. От зноя и духоты в трюмах теряли сознание люди, но военный корабль всё дальше уходил в море, на север—туда, где поднималась над водой песчаная Тендровская коса. Кочегары лопатами швыряли в топку уголь, густо дымили три жёлтых трубы, броненосец шёл на всех парах, оставляя за кормой широкий пенистый след. Там, у косы, предстояло морякам стрельбой по мишеням опробовать новые башенные орудия.

Пришли на место, встали на якоря. Уже сумерки наступали—время, когда на смену бризу—дневному морскому ветру—приходит тёплый степной вечерний ветер, пахнущий полынью. На западе ещё алеет закат, а с востока уже наплывает ночь, охватывая небосвод.

В назначенный час серебряные боцманские дудки сыграли

отбой, матросы разобрали свёрнутые койки и подвесили их на крюках, словно люльки.

И разве могло прийти кому в голову, что уже в полдень грядущего дня на броненосце вспыхнет мятеж и броненосец «Потёмкин» обретёт бессмертие?

Всё началось во время обеда — матросы отказались есть червивое мясо, которым их уже не раз потчевали. Чтобы усмирить команду, офицеры отдали приказ расстрелять нескольких матросов. Их оттеснили штыками к борту и набросили на головы огромный парус. Тяжёлый брезент прижал приговорённых к палубе, притиснул друг к другу, и, когда казалось, что уже ничто не может спасти их от гибели, товарищи матросы бросились на выручку. Офицеры выхватили револьверы, но было уже поздно — вслед за командиром полетели за борт ещё пять офицеров. Остальные сдались, их обезоружили и высадили на берег.

В этой схватке погиб матросский вожак большевик Григорий Вакуленчук. Его похоронили в Одессе, куда пришёл, неся на мачте красный флаг, мятежный броненосец.

В Петербург царю полетели телеграммы:

**«ВОССТАЛ БРОНЕНОСЕЦ!!! УГРОЖАЕТ ОРУДИЯМИ ОДЕССЕ!!! РАБОЧИЕ ОДЕССЫ ПОДДЕРЖИВАЮТ МЯТЕЖНИКОВ!!! ВОЗВОДЯТ БАРИКАДЫ НА УЛИЦАХ!!! ЭТО — РЕВОЛЮЦИЯ!!!»**

Царь распорядился: в Одессу послать войска, а против броненосца выслать весь Черноморский флот и во чтобы то ни стало потопить мятежный броненосец.

Что оставалось мятежной команде «Потёмкина»? Спустить красный флаг и сдаться. Или оставить броненосец на якорях в Одесской гавани, а самим покинуть корабль и раствориться в одесской толпе. Бежать от смерти или каторги — что может быть естественнее для человека?!

Но решили иначе: выйти навстречу идущей из Севастополя эскадре. Мятежный корабль шёл один против всех. И на обеих его мачтах развевались алые флаги. Было это столь неожиданным и дерзким, что адмирал Кригер вместо того, чтобы приказать открыть по броненосцу огонь из всех орудий, поднял на мачте своего броненосца сигнал: **«СЛЕДОВАТЬ СУДАМ ЭСКАДРЫ ЗА МНОЙ»**. После этого он повернул свой корабль и





повёл всю эскадру назад — в Севастополь. Адмирал Кригер испугался, что вся эскадра перекинется на сторону мятежного броненосца.

Так впервые не был исполнен приказ царя. Флот, который обязан был захватить или потопить мятежный броненосец, сам бежал от него, спрятался в Севастопольской гавани под защитой береговых батарей.

Броненосец «Потёмкин» под красным флагом гордо прошёл мимо Крымских скалистых берегов, мимо вечнозелёного Кавказского побережья, но нигде не нашёл поддержки. На исходе были уголь, запасы пищи, вода. И потёмкинцы решили уйти в Румынию.

Когда Владимир Ильич Ленин, который в это время находился в эмиграции в Женеве, узнал из газет о приходе «Потёмкина» в румынский порт Констанца, он назвал броненосец «НЕПОБЕЖДЁННОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ РЕВОЛЮЦИИ».

## МАНИФЕСТ



Вот каким был этот год — 1905. Год начала ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Революция была похожа на шквал — так внезапно менялись события. Все знали, что было вчера. Никто не знал, что будет завтра. Уже наступила осень...

В ту осень не дымили трубы российских заводов, не пылали доменные печи Донбасса и не мчались по рельсам, выбрасывая снопы искр, пассажирские и товарные поезда.

**ВСЕРОССИЙСКАЯ СТАЧКА.** По всей стране народ требовал перемен. Не просил, как это было в январе, а **ТРЕБОВАЛ!**

Военный губернатор Петербурга генерал Трепов отдал приказ: «Против демонстрантов патронов не жалеть!!!»

Но рабочие упрямо выходили на демонстрации и не выходили на работу. Они требовали равных прав для всех. Торговцы взвинтили цены на продукты. Рассуждали: «Голод не



тётка, захотят есть — вернуться к станкам!» Но и это не помогло — рабочие не сдавались.

А царь — виновник «Кровавого воскресенья», что делал он?

Вместе с семьёй и придворными он спрятался в маленьком дворце на берегу Финского залива и трусливо ждал известий от своих министров и генералов.

В те годы возглавлял царских министров граф Витте. Это был очень умный и хитрый чиновник, политик, дипломат.

— Ваше величество,— сказал он, обращаясь к царю,— если вы не пообещаете народу всех свобод, которых он требует, произойдёт революция. Издайте манифест. Пообещайте в этом документе народу всё, что он желает, и народ притихнет. Рабочие вернутся на заводы и фабрики, крестьяне перестанут жечь усадьбы помещиков, страна успокоится, и всё останется по-прежнему.

Царь согласился — и 17 октября 1905 года поставил свою подпись на манифесте, который написал граф Витте.

Всю ночь стучали телеграфные аппараты, сообщая ВСЕМ... ВСЕМ... ВСЕМ... О ДАРОВАННЫХ ЦАРЁМ СВОБОДАХ.

Наступил новый день — 18 октября 1905 года.

На улицах люди обнимали друг друга, кричали «ура», плакали от счастья. Верили: теперь всё пойдёт иначе. Будут союзы, будут партии, будут собрания, и больше никто никогда не посмеет запретить произносить слова правды! А разве правда, высказанная вслух, не оружие в борьбе за справедливость?!

И на митингах, которые вспыхивали сами по себе на улицах, на бульварах, на площадях и набережных, люди открыто говорили о своих чаяниях и надеждах, ещё не зная, как закончится этот день...



## КЛЯТВА ШМИДТА

В Севастополе митинг бушевал на Приморском бульваре. И лейтенант Шмидт стоял в ликующей толпе и слушал ораторов, которые поднимались на деревянный помост эстрадной раковины, где по вечерам играл духовой оркестр. Оркестр и сегодня играл, но не привычные вальсы, а «Марсельезу» — французскую революционную песню.

— Почему играют «Марсельезу», а не гимн «Боже, царя





храни»? — останавливаясь возле Петра Петровича, удивлённо проговорил капитан второго ранга Славочинский. — Это непозволительно!

— Да потому, — ответил Пётр Петрович, — что «Марсельеза» — песнь свободы! И в такой день, когда российские рабочие в упорной борьбе завоевали гражданские свободы, пристало ли им петь гимн царю?

— Ну знаете ли! — возмутился Славочинский. — Услышать такое от офицера и дворянина — это... это... это вам так просто не пройдёт! И запомните, лейтенант: его величество русский самодержец Николай Второй даровал свободы своим подданным! И посему его величеству и надлежит петь хвалу в знак благодарности. С вами же я более не знаком.

— Вот и отлично, — проговорил Шмидт и сам поднялся на помост. Он знал, что скажет людям: надо идти к тюрьме и требовать, чтобы городские власти немедленно освободили политических заключённых.

...Спускалась ночь, чёрная и звёздная, но люди, собравшиеся на площади перед тюрьмой, не спешили расходиться по домам. Они ждали, когда распахнутся тюремные ворота и появятся узники, мужественные люди, не побоявшиеся вступить в единоборство с самодержавием.

И Пётр Петрович был тут же. Это он передал начальнику тюрьмы требование освободить политических. И не сомневался, что сейчас это произойдёт.

Вот и вправду дрогнули створки ворот. И по толпе пронёсся вздох облегчения — наконец-то!



Ворота отворялись медленно, слишком медленно... А когда они полностью отворились, из темноты двора шагнула, заполняя освещённый электрическими лампами проём ворот, шеренга солдат, за ней вторая. И солдатские шеренги оцетинились частоколом трёхгранных штыков.

— Ра-а-зой-дись! — визгливо крикнул офицер. — Считаю до трёх...

— Не посмеет, когда сам царь гарантировал неприкосновенность личности, — прозвучал чей-то негромкий голос в наступившей тишине. — Небось знает об этом их благородие.

— За-а-ря-жай! — скомандовал офицер.

Клацнули затворы.

— Раз... Два-а... Три... Пп-ли!

И резкий залп взорвал тишину. Толпа ахнула, попятилась, отпрянув, и с криками бросилась врассыпную. А выстрелы неслись следом. Неправдоподобно трескучие... Смертельные...

Хоронить убитых собрался весь город. Рабочие и рыбаки, их жёны, ученики гимназий и реального училища, портовые грузчики, землекопы, врачи и учителя. Уже десятки тысяч горожан запрудили обагрённую кровью площадь и прилегающие улицы, а люди всё подходили и подходили, чтобы проводить в последний путь убитых. Восьмерых мужчин и женщин.





Солнце плавилось в сверкающих трубах духовых оркестров. И терпко пахли осенние цветы многочисленных венков. Музыканты играли марши тихо и торжественно. И люди плакали, вдруг ощутив себя единой семьёй. Все — братья и сёстры, все — друзья, все — товарищи! И они впервые, обращаясь друг к другу, произносили не привычные «сударь» и «сударыня», не «господин» и «госпожа», а — «товарищ». Слово, порождённое доверием, объединяло: здесь — товарищи, там — враги, убийцы!

Пришла очередь говорить Петру Петровичу.

— Братья! — сказал он. — Товарищи! Сегодня, прощаясь с погибшими за свободу, поклянёмся им в том, что мы никогда не уступим завоёванных нами человеческих прав! Поклянёмся, что весь жар своих сердец мы отдадим на благо рабочего, неимущего люда! Поклянёмся, что доведём начатое ими дело до конца!

— Клянёмся! — выдохнула толпа, и слово это прокатилось вдоль человеческой реки, которая на многие километры разлилась за кладбищенскими воротами.

## АРЕСТ



Адмирал Чухнин в бешенстве топал ногами.

— Арестовать! — кричал он. — Немедленно арестовать этого смутьяна! И засадить на броненосец, в канатный ящик, на воду и сухари!.. Он опозорил честь флотского офицера, будь моё право — я бы его за эти подстрекательские речи против государя тут же и расстрелял бы...

А в это время Пётр Петрович стоял перед распахнутым окном своего дома и смотрел, как солнце погружается в море. Вечер был тёплым, тихим. Красные, жёлтые, лазоревые краски заката, разлившиеся по воде от края до края, теперь стекались к середине, образуя яркую дорожку, соединившую горизонт с берегом.







Пётр Петрович думал о том, что царь в очередной раз обманул народ, что всё, обещанное в манифесте,— неправда.

В дверь кто-то позвонил. Пётр Петрович прошёл в прихожую и откинул щеколду. Перед ним стояли мичман с револьвером на поясе и четверо матросов с ружьями.

— Согласно приказу главного командира Черноморского флота адмирала Чухнина вы арестованы! — сказал офицер. — Прошу подчиниться и следовать за нами.

Его повели, как преступника — двое с ружьями наперевес шли впереди, двое других — сзади. Люди на улицах растерянно провожали взглядом эту процессию. После недавних событий все горожане знали в лицо лейтенанта Шмидта. Вот они вышли на Нахимовскую площадь, в центре которой возвышалась бронзовая фигура прославленного флотоводца, и через колоннаду Графской пристани спустились к ожидавшему их катеру.

Известие, что лейтенант Шмидт арестован за свою речь на похоронах, в тот же вечер облетело весь город. Об этом говорили на бульварах, в кофейнях, на причалах...

На следующий день, не сговариваясь заранее, люди стали собираться на Приморском бульваре — на том месте, где несколько дней тому назад Шмидт позвал их идти к тюрьме с требованием освободить политических заключённых. И их освободили в день похорон. Испугались, что народ возьмёт тюрьму штурмом. А теперь вот пришёл черёд потребовать от властей освободить самого Петра Петровича.

Когда на эстраду поднялся пожилой рабочий порта, замечательный мастер, уважаемый всеми человек, толпа притихла, приготовившись слушать, и мастер сказал:

— Товарищи, я предлагаю избрать Петра Петровича Шмидта пожизненным депутатом всех севастопольских рабочих.

— Правильно! — слышалось в ответ. — Да здравствует наш депутат Шмидт, ура!

— Делегацию к Чухнину будем посылать, — сказал мастер. — С требованием освободить нашего пожизненного депутата! И всё! И баста!

В трюме, где его заперли, не было окон. Большой железный ящик. Тусклая лампочка, которая горит днём и ночью. Кровать. Стол.



В этом ящике он задышался. Глоток свежего, морского воздуха! Хотя бы один глоток! В тетрадке, напрягая глаза, он записывал речь, которую произнесёт на суде. Да, его будут судить как подстрекателя и бунтовщика. Ну что ж, на суде он выскажет всю правду! И то, как офицеры издеваются над матросами. И как засекают людей до смерти оголтелые от безнаказанности казаки... Как убивают людей за одно лишь желание просить у царя заступничества от озверевших, потерявших совесть притеснителей. И пусть после суда преступное правительство лишит его дворянства, офицерских чинов, всех его прав и привилегий, он не испугается. Он бросит им в лицо свой приговор: существующая власть преступна и потому обречена. На смену придёт народная власть.

От напряжения в глазах появлялась резь. Пётр Петрович ложился на кровать, закрывал глаза, давая им немного отдохнуть, и снова садился писать свою речь.

В Петербург морскому министру ушла телеграмма:

«ШМИДТА НУЖНО НЕМЕДЛЕННО УВОЛИТЬ — ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОПАСЕН!

АДМИРАЛ ЧУХНИН».

Телеграмму адмирал отправил сразу же после того, как к нему явилась депутация севастопольских рабочих с требованием освободить Шмидта. Испугавшись новой забастовки, адмирал Чухнин отдал приказ освободить лейтенанта Шмидта. Через несколько дней Пётр Петрович был на свободе.

## ВОССТАНИЕ



Восстания вызревают долго и вспыхивают внезапно. Так среди ясного летнего дня вдруг в мгновение ока собираются тучи, сверкают молнии, гремит гром и проливается ливень.

Ноябрьским утром на трёхтрубном крейсере «Очаков» команда отказалась поздороваться с командиром. В ответ на приветствие матросы громко крикнули: «Командира долой!»

И крик этот был услышан на всех судах эскадры. И повернулись в сторону трёхтрубного крейсера лица матросов, выстроившихся на палубах броненосцев, крейсеров и миноносцев. И побледнели лица офицеров, услышавших и увидевших такое.

В этот день Чухнину доложили, что и на других кораблях неспокойно, в морской же дивизии и того хуже — матросы открыто собираются на площади, митингуют...

Вечером на тайном совете Чухнин предложил своим адмиралам осуществить вероломный план — натравить друг на друга матросов и солдат пехотных полков и артиллерии.

Было решено во время большого митинга, когда солдаты Брестского полка и матросы Морской дивизии соберутся вместе на площади и станут слушать ораторов, окружить площадь с одной стороны боевой ротой солдат Белостокского полка, а с другой в засаду поставить две боевые роты матросов. Кто-то



из морских офицеров должен из окна застрелить нескольких солдат, в ответ пехотный офицер должен скомандовать: «Солдаты, нас убивают эти подлецы матросы! Бей их!» Адмирал не сомневался, что в начавшейся перестрелке погибнет много народу, но этого он как раз и добивался. Тогда солдат удастся запереть в своих казармах, матросов — в своих, с кораблей запретить всякие отлучки на берег. «Одним ударом мы разъединим их и сделаем смертельными врагами», — провозгласил царский адмирал.

Осуществить это поручили контр-адмиралу Писаревскому.

Около полудня 11 ноября матрос боевой роты Петров был поставлен фельдфебелем возле деревянного забора. На груди матроса красовался Георгиевский крест, которым матрос был награждён за участие в героическом бою крейсера «Варяг» с эскадрой японских кораблей. Не сдался врагу русский крейсер, не посрамил отечества. Вся страна чествовала героев, когда они вернулись на родину.

И вот стоял этот матрос на посту в ожидании дальнейших распоряжений, когда услышал чей-то приглушённый голос. Матрос нашёл в заборе щель и увидел, что в двух шагах от него контр-адмирал Писаревский что-то объясняет трём офицерам, один из которых был пехотным штабс-капитаном. Хотя и тихо говорил Писаревский, но Петров услышал главное, и сердце его похолодело от того злодейства, которое здесь замышлялось. «Сам пусть погибну, но убивать своих товарищей не дам», — решил матрос и, просунув в щель дуло винтовки, выстрелил сначала в адмирала, затем в пехотного офицера. Он уже собирался выстрелить в следующего, когда сзади на него навалился фельдфебель.

— Ты что делаешь?! — закричал он. — В кого стреляешь?

— В «драконов», — ответил Петров. — Товарищей своих спасаю.

Прибежавшие на выстрелы матросы не дали арестовать Петрова. Окружив его, они вывели Петрова на площадь, чтобы он всем рассказал о том, что задумали учинить офицеры.

— Смерть «драконам»!.. К оружию! — закричали матросы и, бросившись в казармы, стали расхватывать ружья.

Севастопольское восстание началось...



## СКАЗАНИЕ О КРАСНОМ АДМИРАЛЕ



Пётр Петрович Шмидт прожил тридцать восемь лет, плавал по морям, читал книги, играл на виолончели... Когда пришёл день решать, с кем он и как жить дальше, не колеблясь, принял сторону народа и встал на путь борьбы, зная, как сложен и опасен этот путь.

Да, Пётр Петрович Шмидт мог дослужиться до адмирала, как отец. Мог водить по морям и океанам большие пароходы, видеть города и страны, посещать музеи, ходить на концерты. А он произнёс речь о защите свобод, был арестован, посажен в душный трюм броненосца...

Но это было лишь началом его подвига. Вскоре Шмидт в ответ на просьбу матросов дал согласие возглавить восстание.

Он дал согласие, зная, что восстание, которое вспыхивает стихийно, без предварительной, тщательной подготовки, без поддержки всего народа, обречено на поражение. Он дал согласие, зная, что по приказу царя в Севастополь уже стягиваются карательные войска. Он дал согласие, зная, что красные флаги развеваются только над крейсером «Очаков», который покинули офицеры, и над Морской дивизией.

С утра 15 ноября на берегу тихой, залитой солнцем Севастопольской гавани толпился народ. Ждали, что произойдёт на рейде. Когда сигнальщики протрубили к подъёму флага, все в беспокойстве замерли. Какой флаг поднимут на кораблях: красный или привычный бело-голубой? Кроме «Очакова» лишь на нескольких миноносцах осмелились поднять красные флаги. Вдруг крик удивления взлетел над береговой линией: люди увидели сигнальные флажки, которыми украсилась мачта «Очакова».

— Что там написано? — спрашивали нетерпеливые. И им отвечали: — «КОМАНДУЮ ФЛОТОМ. ШМИДТ».

Прошло несколько минут, и с берега увидели, как от крейсера отошёл контрминоносец «Свирепый». На палубе контрминоносца — оркестр, а впереди, на носовой палубе, люди различили стройную фигуру в офицерском сюртуке. Это был Шмидт.

«Свирепый» пошёл прямо к линии броненосцев.

— Но ведь Шмидта сейчас убьют!.. — ахнул кто-то. — Застрелят из револьвера...

Его и вправду сейчас могли убить. Любой из офицеров, которые стояли на палубах броненосцев. И Пётр Петрович знал это, когда принял решение объявить себя красным адмиралом и обойти все корабли эскадры, призывая матросов присоединиться к «Очакову». Он не знал главного — ночью офицеры заперли матросов в кубриках. Наверху, у орудий, остались только самые благонадёжные.

Маленький контрминоносец медленно проходил мимо гигантских броненосцев, но выкрикивающие проклятия и оскорбления офицеры пока не рисковали открыть огонь. «У них нет приказа», — догадался Шмидт и решил идти прямо к транспортному судну «Прут». На судне находились арестованные потёмкинцы.

Охрану взяли врасплох. Здесь не ожидали нападения. Ведь «Прут» стоял под защитой броненосцев. Из трюмов, превращённых в камеры, выбегали на палубу бледные, небритые узники, кричали и смеялись от радости.

«Ну вот, — подумал Шмидт, пожимая руки взволнованных людей, — мы их и освободили!»

Бой начался днём в 3 часа 15 минут.

Почти одновременно по «Очакову», по контрминоносцу «Свирепый» и по другим кораблям с красными флагами открыли артиллерийский огонь канонерская лодка «Терец» и флагманский броненосец «Ростислав». Затем к ним присоединились тяжёлые орудия других броненосцев и береговых фортов. Снаряды пробивали борта трёхтрубного крейсера и взрывались в трюмах. Начался пожар...

На крейсере так и не спустили флага. Огонь по «Очакову» не прекратился даже после того, как на крейсере кончились снаряды. Били в упор. По крейсеру. По шлюпкам с ранеными. Из пулемётов расстреливали тех, кто пытался доплыть до берега.

...Утром среди лазурной бухты люди увидели чёрный, обуглившийся, всё ещё дымящийся непокорившийся крейсер и поразились наступившей тишине. Что стало с вождём восставших, никто из горожан не знал. Одни утверждали, что он сго-







рел на крейсере. Другие, что он утонул. Третьи надеялись, что ему удалось спастись. Всякие ходили разговоры, пока люди не узнали правду: с вывихнутой ногой Пётр Петрович был захвачен на подбитом миноносце, а затем тайно переправлен в Очаковскую крепость.

Его расстреляли на рассвете 6 марта 1906 года на пустынном острове Березань. И рядом с ним приняли смерть от рук палачей матросы-большевики Никита Антоненко, Александр Гладков и Сергей Частник.

А по всей России из уст в уста передавались слова, которые сказал Пётр Петрович на суде:

**«Я ЗНАЮ, ЧТО СТОЛЬ, У КОТОРОГО ВСТАНУ Я ПРИНЯТЬ СМЕРТЬ, БУДЕТ ВОДРУЖЁН НА ГРАНИ ДВУХ РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ НАШЕЙ РОДИНЫ. ПОЗАДИ, ЗА СПИНОЙ У МЕНЯ, ОСТАНУТСЯ НАРОДНЫЕ СТРАДАНИЯ И ПОТЯСЕНИЯ ТЯЖЁЛЫХ ЛЕТ, А ВПЕРЕДИ Я ВИЖУ МОЛОДУЮ... ОБНОВЛЁННУЮ... СЧАСТЛИВУЮ РОССИЮ!»**

\* \* \*

Когда вы приедете в Ленинград, пройдите по красивой набережной, где стоят Академия Художеств, Высшее Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе — бывший Морской корпус, который окончил П. П. Шмидт. Пройдите по мосту, перед которым в октябре 1917 года совершила свой исторический выстрел легендарная «Аврора». И снова вспомните жизнь человека, именем которого названы и этот мост, и набережная, по которой вы только что гуляли.

**МОСТ И НАБЕРЕЖНАЯ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА.**

А на Чёрном море, на каменистом острове Березань, высится белый памятник. Идут мимо пароходы — трубят, проходят военные корабли — флаг приспускают в честь **ПЕРВОГО КРАСНОГО АДМИРАЛА.**







ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

**Геннадий Александрович Черкашин**

**ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ**

**Художник Н. Андреев**

**Scan: Ershov V. G., 2007**

Редактор *Е. Рыжова*. Художественный редактор *Ю. Поливанов*.  
Технический редактор *Н. Житенёва*. Корректор *Н. Пьянкова*.

ИБ № 1658

Сдано в набор 26.04.83. Подписано в печать 16.04.84. 60×90/8. Офс. № 1. Гарнитура балтика. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-отт. 15,0. Уч.-изд. л. 2,52. Тираж 200 000 экз. Изд. № 1276. Заказ № 2215. Цена 20 коп. Издательство «Малыш». 101463, Москва, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

ч 4803010102—035 35—84  
М102(03)—84

© Издательство «Малыш» 1984